

Развитие законодательства, регламентирующего процессуальную самостоятельность следователя

Новый УПК РФ 2001 года в отличие от ранее действовавшего уголовно-процессуального законодательства впервые дал определение понятию следователя как должностного лица, уполномоченного осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также иные полномочия, предусмотренные УПК РФ (п. 41 ст. 5). Такая формулировка закона повторяется в ч. 1 ст. 38, где закреплён правовой статус данного субъекта уголовного процесса.

Для успешного выполнения своей функции уголовного преследования следователь должен обладать необходимыми полномочиями и самостоятельностью. Как правильно отмечает Ю.В. Деришев, «процессуальная самостоятельность следователя — это реальная правовая категория, которая должна реализовываться практически через весь комплекс процессуальных полномочий, фактически определяющий его уголовно-процессуальный статус и устанавливающий границы его должного и возможного поведения»¹.

А.А. Тарасов определяет процессуальную самостоятельность следователя как «правовое средство обеспечения единоличного начала в его деятельности, гарантию от двух недопустимых крайностей: с одной стороны, мнимой коллегиальности, связанной с «распылением» юридической ответственности за принятые решения, с другой стороны — единоличного диктата какого-то одного властвующего субъекта, делающего бессмысленным участие других самостоятельных субъектов, формально также наделённых властью»².

В многочисленных исследованиях, посвящённых данной проблеме, правильно отмечается, что процессуальная самостоятельность следователя есть важная гарантия успеха расследования, обеспечивающая его независимость при принятии процессуальных решений, быстрое и оперативное решение поставленных перед ним задач. Но процессуальная самостоятельность следователя — не самодовлеющая категория, поскольку правовой статус следователя ограничен его поднадзорностью прокурору и подконтрольностью суду.

---

* © Бобров А.В., 2005.

В то же время представляется, что роль следователя как самостоятельного участника уголовного процесса определяют главным образом те полномочия, которые обеспечивают разрешение поставленных перед ним задач и отстаивание занятой по делу позиции и служат гарантией законности расследования и установления истины.

Для уяснения действительной роли данного участника уголовного процесса, его места среди других властвующих субъектов необходимо определить, как изменялся в нормах российского уголовно-процессуального законодательства правовой статус следователя, определяющий его процессуальную самостоятельность. При этом следует отметить, что данная проблема, как правило, сводится к его взаимоотношениям с участниками процесса, так или иначе осуществляющими контроль за его деятельностью.

Процессуальная самостоятельность следователя получила закрепление в п.п. 18 и 19 Учреждения судебных следователей, утвержденного императором 8 июня 1860 г.³ Одним из основных положений судебной реформы 1864 года стало отделение обвинительной власти от судебной с приданием предварительному следствию характера судебной деятельности. По Учреждению судебных установлений от 20 ноября 1864 года, которое было утверждено наряду с Уставом уголовного судопроизводства (в дальнейшем — Устав или УУС), судебные следователи были приравнены по должности к членам окружного суда и состояли при этих судах (ст. 79). Они, как и судьи, назначались на должность императором по представлению министра юстиции, при этом была провозглашена их несменяемость. По Уставу следователь являлся должностным лицом, имеющим самостоятельные задачи, вступающим в отношения с другими правоохранительными и исполнительно-распорядительными органами. Согласно ст. 264 Устава, «судебный следователь принимает собственной властью все меры, необходимые для производства следствия, за исключением тех, в которых власть его положительно ограничена законом». Причем подавляющее большинство своих действий следователь мог осуществлять самостоятельно, без санкции суда и прокурора. В частности, следователь при наличии установленных законом поводов, предусмотренных ст. 297 Устава, возбуждал уголовные дела без каких-либо ограничений со стороны прокурора.

Для обеспечения законности действий судебного следователя учреждался судебный контроль и прокурорский надзор. Судебный контроль выражался в разных формах: дозволение на производство отдельных следственных действий (например, о наложении ареста на имущество об-

виняемого – ст. 268 Устава), рассмотрение жалоб на действие следователя (ст. 493 Устава) и заявленных ему отводов, принятие решений о прекращении производства следствия (ст. 277 Устава), разрешение разногласий между следователем и прокурором. Прокурорский надзор устанавливался в виде постоянного наблюдения прокурорами и их товарищами (заместителями) за следствием на месте его производства (ст. 278 Устава). Прокурор и его товарищ вправе были предъявлять требования по вопросам исследования преступления и собирания доказательств, обязательные для исполнения следователем (ст. 281 Устава). Также они могли требовать дополнения предварительного следствия по сделанным ими указаниям (ст. 286 Устава). По иным вопросам расследования следователь мог отклонить исполнение требований прокурора, который в этом случае вправе был обжаловать такое решение в суд (ст. 493 Устава). Решение о прекращении предварительного следствия следователь также должен был согласовывать с прокурором (ст. 277 Устава). По окончании следствия следователь отсылал все производство прокурору или его товарищу (ст. 478 Устава), которые сами составляли обвинительный акт. Комментируя Устав, Б.В. Виленский пишет, что в нем была закреплена руководящая роль прокуратуры при производстве предварительного следствия⁴. В своем исследовании 1894 года В.П. Давневский также отмечал, что действующий порядок производства ведет к фактической зависимости большинства следователей от прокуратуры и возможности некоторого давления на ход и направление следствия⁵. В то же время предложения прокуратуры были обязательны для следователя только в определенных законом случаях. Но и они были ограничены тем, что прокурор не мог предложить следователю «не совершать» каких-либо действий, а также отменять или изменять совершенные действия. Тем самым следователь мог свободно руководствоваться в поисках истины своими собственными начинаниями, проверять или опровергать данные, которые он мог обнаружить по предложению прокурора⁶. Критикуя следователей за недостаточный профессионализм, В.П. Давневский предложил назначать следователей окружным судом из числа его членов, что дало бы гарантию самостоятельности положения следователя и его доброкачественности⁷. При этом он предложил сделать следователя абсолютно независимым от прокуратуры. По его предложению предварительное следствие должно было следовать началу состязательности, где судебный следователь выслушивал и оценивал доказательства сторон (в т.ч. и прокурора). Отдельные его постановления подлежали обжалованию в суд, причем подача жалобы не приостанавливала исполнение решения следователя⁸.

Таким образом, даже при высоком положении следователя и отделенности его от обвинительной власти, исследователи уже в то время отмечали негативные факторы, ограничивающие процессуальную самостоятельность следователя.

В послеоктябрьское время, когда оказались упраздненными все институты прежней юстиции, а производство расследования ввиду недостатка следственных кадров вверялось следственным комиссиям, на III Всероссийском съезде деятелей юстиции в июне 1920 г. было принято решение об упразднении коллегальности на предварительном следствии, как порождающей волокиту и безответственность, и предоставлении следователю процессуальной самостоятельности⁹. Эта идея была воплощена и в первых советских УПК РСФСР 1922 и 1923 года.

Но вновь созданному следственному аппарату были присущи особенности, унаследованные от Устава уголовного судопроизводства. «Народные следователи», состоящие при народных судах, старшие следователи при губернских судах фактически оказались в двойном подчинении: они, как по УУС, были подконтрольны суду и в то же время поднадзорны прокурору.

Первая особенность состояла в том, что следователь не мог самостоятельно прекратить уголовное дело и должен был направить его для решения этого вопроса в суд (ст. 203 УПК РСФСР 1923 года), вопрос о приостановлении дела также решался судом (ст. 205). Суд, а не прокурор, как было по УУС, утверждал обвинительное заключение и при несогласии с ним пересоставлял его (ст. 240).

Прокурор же осуществлял надзор за законностью действий следователя и вправе был давать ему обязательные для исполнения указания (ст. 118). Прокурор разрешал заявленный следователю отвод (ст. 122), мог передавать дело от одного следователя другому (ст. 129), разрешал спор о подследственности (ст. 127), высказывал свое согласие с обвинительным заключением (ст. 229), рассматривал жалобы на действия следователя (ст. 212).

По УПК 1923 года следователь располагал достаточно широкими полномочиями: он вправе был самостоятельно возбудить уголовное дело или отказать в этом (ст. 94, 95, 110), производить необходимые следственные действия с целью всестороннего, полного и объективного рассмотрения дела (ст. 111, 112), включая обыск и выемку (ст. 175, 186), самостоятельно избирать меру пресечения, включая заключение под стражу (ст. 143, 158, 160). Но выемку почтово-телеграфной корреспонденции следователь мог произвести, только получив согласие прокурора (ст. 186).

УПК.1923 года сохранил положения УУС о роли суда в разрешении споров между прокурором и следователем. Так, следователь имел право обжаловать в суд решение прокурора, принятое им по жалобе на действия следователя (ст. 220), а прокурор мог входить в суд со своими возражениями на постановление следователя о направлении дела в суд для прекращения (ст. 226) и ставить перед судом вопрос о принятии, отмене или изменении избранных следователем мер пресечения (ст. 231)¹⁰.

Однако такое положение существовало недолго. Изменение политической обстановки в стране, «наступление на кулачество», борьба с «врагами народа» оказались несовместимыми с либеральными правовыми конструкциями, унаследованными от УУС.

До конца 20-х годов в соответствии с УПК следователи низового звена («народные следователи») состояли при судах, и прокурорский надзор за ними осуществлялся в несколько смягченной форме. В частности, у следователей сохранялось право обжалования требований и указаний прокурора в суд.

С 3 сентября 1928 года, согласно Постановлению ВЦИК и СНК РСФСР, следственный аппарат был выведен из подчинения судов и передан прокуратуре. Как правильно отмечает Ю.В. Дерришев, «потеряв «опекуна» в лице суда, следователь оказался в полной организационной и процессуальной зависимости от одной из бывших сторон состязательного процесса — прокурора... Государство в лице своего законодателя, активно поддержанного заинтересованными ведомствами, «позаботилось» о том, чтобы следователь не оставался один на один со своей самостоятельностью и ответственностью за порученное дело, а делил ее по принципу круговой поруки с прокурором и своим руководителем»¹¹. В итоге, как пишет С.А. Шейфер, положение следователя оказалось в значительной степени обезличенным, так как он был не вправе без согласия прокурора возбудить уголовное дело, прекратить его, а также определить круг обвиняемых. Поэтому распространенным было представление, что следователь — порученец прокурора, его помощник по следствию¹².

В связи с осуждением культа личности Сталина, в 1958 году были приняты Основы уголовного судопроизводства СССР, ст. 30 которых принципиально по-новому определила полномочия следователя. Согласно этой норме, «при производстве предварительного следствия все решения о направлении следствия и о производстве следственных действий следователь принимает самостоятельно, за исключением случаев, когда необходимо получение санкции прокурора, и несет полную ответственность за их законное и своевременное проведение». Это положение от-

вергло бытовавший до этого времени взгляд, будто следователь являлся всего лишь помощником прокурора по следствию. Оно было полностью воспроизведено в ч. 1 ст. 127 УПК РСФСР 1960 года.

Проблема приобрела новую остроту, когда в 1963 году в органах внутренних дел был создан следственный аппарат. Его подследственность постоянно расширялась. До настоящего времени следователями системы МВД расследуется около 80 % дел. Это решение законодателя вызвало массу небеспочвенной критики. Так, в органах внутренних дел в одном ведомстве сосредоточились и следствие, и дознание, что вряд ли обеспечивает следователю должную самостоятельность. Очевидным становится тот факт, что начальник органа дознания, который является процессуально подчиненной по отношению к следователям фигурой, становится в рамках одной службы их ведомственным руководителем, что представляется недопустимым. К сожалению, и новый УПК РФ это положение не изменил.

Новый УПК в целом сохранил положение ч. 1 ст. 127 УПК РСФСР, сформулировав его в п. 3 ч. 2 ст. 38 следующим образом: «При осуществлении предварительного следствия следователь уполномочен самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда в соответствии с УПК РФ требуется получение судебного решения и (или) санкции прокурора».

Некоторые положения нового УПК РФ не только закрепили, но и расширили полномочия следователя, подчеркнув этим его роль как самостоятельного субъекта уголовного процесса.

Так, УПК РФ закрепил широкие властные полномочия следователя по собиранию доказательств. Согласно ст. 70 УПК РСФСР, по находящимся в его производстве делам следователь был вправе вызывать любое лицо для допроса или дачи заключения в качестве эксперта; производить осмотры, обыски и другие предусмотренные УПК следственные действия; требовать от предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц и граждан представления предметов и документов, могущих установить необходимые по делу фактические данные; требовать производства ревизий. Новый УПК РФ в ст. 86 объединил эти предписания общим правилом о том, что следователь собирает доказательства «путем производства следственных и иных процессуальных действий», не уточняя, какими именно должны быть эти действия. В действительности же полномочия следователя стали более широкими. Так, в ст. 194 УПК РФ введено новое следственное действие — проверка показаний

на месте, а в ст. 186 новое процессуальное действие — контроль и запись переговоров. Согласно ст. 182 УПК РФ, следователь вправе самостоятельно принимать решения о производстве обыска, кроме обыска в жилище и личного обыска. По УПК РСФСР обыск мог производиться только с санкции прокурора (ч. 3 ст. 168).

По УПК РФ несколько расширены полномочия следователя при взаимодействии с органами дознания. Теперь он вправе поручать органам дознания также проведение оперативно-розыскных мероприятий и исполнение постановлений о задержании, приводе, аресте, производстве иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ).

УПК РФ повысил значимость требований следователя («требования, поручения и запросы»), которые признаны обязательными для исполнения учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами (ч. 4 ст. 21). УПК РСФСР в ч. 4 ст. 127 признавал обязательными только постановления следователя.

Сохранив процессуальную самостоятельность следователя, УПК РФ установил и гарантии ее осуществления. Их сущность, как отмечает А.А. Тарасов, «в нормативном определении порядка разрешения разногласий между сотрудниками органов обвинительной власти»¹³.

В соответствии с ч. 2 ст. 127 УПК РСФСР, не соглашаясь с указаниями прокурора по таким, затрагивающим существо дела вопросам, как привлечение в качестве обвиняемого, квалификация преступления и объем обвинения, направление дела для предания обвиняемого суду или о прекращении дела, следователь мог этих указаний не выполнять. Он был вправе представить дело вышестоящему прокурору с письменным представлением, в котором излагались его возражения. После этого вышестоящий прокурор отменял указания прокурора либо передавал дело другому следователю. Оберегая процессуальную независимость следователя, УПК РФ расширил круг случаев, когда он вправе не исполнять указания прокурора, по общему правилу обязательные для исполнения. Кроме вышеуказанных пяти случаев, законодатель добавил к ним избрание меры пресечения либо отмену или изменение меры пресечения, избранной следователем в отношении обвиняемого, отказ в даче согласия на возбуждение перед судом ходатайства об избрании меры пресечения или производстве иных процессуальных действий, а также отвод следователя или отстранение его от дальнейшего ведения следствия (ч. 3 ст. 38). И.Л. Петрухин считает, что «можно констатировать, что гарантии независимости и самостоятельности следователя расширены»¹⁴.

Положение о независимости следователя от начальника следственного отдела, известное преждему УПК (ч. 4 ст. 127-1), подкреплено дополнительными гарантиями. Часть 4 ст. 39 УПК РФ устанавливает, что обжалование указаний начальника следственного отдела прокурору, касающихся изъятия уголовного дела и передачи его другому следователю, привлечения лица в качестве обвиняемого, квалификации преступления, объема обвинения, избрания меры пресечения и производства следственных действий, требующих разрешения суда, приостанавливает их исполнение.

Как правильно отмечает С.А. Шейфер, процессуальная самостоятельность следователя вовсе не означает его абсолютной независимости, что проявляется, в частности, во взаимоотношениях следователя с прокурором, начальником следственного отдела и судом. Она также является ограниченной в случаях, когда соответствующее уголовно-процессуальное решение и основанное на нем действие следователя затрагивают конституционные права и свободы граждан¹⁵. В этих целях закон установил судебный контроль за законностью таких решений и действий следователя. В отличие от УПК РСФСР, где говорилось только о случаях, «когда законом предусмотрено получение санкции от прокурора» (ч. 1 ст. 127), в новом УПК РФ говорится уже о случаях, «когда требуется получение судебного решения и (или) санкции прокурора» (п. 3 ч. 2 ст. 38), что означает существенное повышение роли суда как гаранта законности в уголовном судопроизводстве.

Помимо вышесказанного, законодатель установил и новые положения, ограничивающие процессуальную самостоятельность следователя.

По УПК РФ во всех случаях возбуждения уголовного дела требуется предварительное согласие прокурора, что является весьма существенной новеллой (ст. 146 УПК РФ), так как все предшествующие нормативные акты представляли следователю право самостоятельно принять это решение¹⁶.

Новый УПК РФ в п. 2,3 ч. 1 ст. 39 наделил начальника следственного отдела правом отменять необоснованные постановления следователя о приостановлении предварительного следствия и вносить прокурору ходатайство об отмене иных незаконных или необоснованных постановлений следователя, что также является новеллой.

Параллельно с введением судебного контроля законодатель обязал следователя получать согласие прокурора на возбуждение перед судом ходатайства об избрании таких мер пресечения, как заключение под стражу и домашний арест, либо о производстве иного процессуального дей-

ствия, которое допускается на основании судебного решения (п. 5 ч. 2 ст. 37 УПК РФ).

К сожалению, как об этом свидетельствует следственная практика, обжалование следователем указаний прокурора или начальника следственного отдела по указанным выше вопросам фактически не имеет места, что существенно ограничивает процессуальную самостоятельность и говорит о ее самоограничении следователем.

Развивая положения Конституции РФ (ст. 22, 23, 25), в УПК РФ установлено, что решения о применении меры пресечения в виде заключения под стражу (ст. 108), о наложении ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию (ст. 185), о производстве обыска (ст. 182), принятые следователем при производстве по делу, подлежат санкционированию судом. К этой группе процессуальных решений также относятся: применение меры пресечения в виде домашнего ареста (ст. 107), временное отстранение обвиняемого от должности (ст. 114), наложение ареста на имущество (ст. 115), производство осмотра и выемки в жилище без согласия проживающих в нем лиц (ч. 5 ст. 177 и ч. 2 ст. 183), производство личного обыска (ст. 184), выемка документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных учреждениях (ч. 4 ст. 183), производство контроля и записи телефонных и иных переговоров (ст. 186), помещение обвиняемого или подозреваемого, не содержащихся под стражей, в медицинский или психиатрический стационар для производства судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы (ст. 203).

Нельзя не согласиться с суждением многих исследователей о том, что учреждение судебного контроля за досудебным производством является важнейшим шагом на пути реализации Концепции судебной реформы в РФ, нацеленной на укрепление судебной власти в стране. Это позволяет устранить субъективизм при принятии соответствующих процессуальных решений и служит эффективной гарантией против неоправданно широкого применения принудительных мер и нарушения процессуальных прав участников процесса¹⁷.

Но следует согласиться и с Д. В. Ваниным, который полагает, что суд не может непосредственно вмешиваться в деятельность следователя, как это делает прокурор. Судом санкционируются решения следователя, подвергаемые проверке с точки зрения их законности и обоснованности. Само же решение следователь по-прежнему принимает самостоятельно и обращается в суд с целью разрешения производства конкретного процессуального действия, а не для принятия за него решения¹⁸.

Концепция судебной реформы в Российской Федерации исходит из того, что центральной фигурой в структуре будущего следственного аппарата должен быть следователь, а существование руководителей всех уровней (имеются в виду руководители следственных подразделений) оправдано лишь в качестве организаторов его работы, осуществляющих ресурсное и методическое обеспечение расследования, начальствующих над техническим персоналом»¹⁹. Можно констатировать, что УПК РФ ни на шаг не приблизился к реализации этих идей, ибо начальники следственных подразделений, как и прежде, наделены весьма широкими полномочиями. Большинство авторов, исследующих эту проблему, небезосновательно критикуют расширение полномочий начальника следственного отдела. Так, по мнению И.Л. Петрухина, это приводит к отделению следователя от надзирающего прокурора ведомственной стеной и к отсутствию надлежащего прокурорского надзора²⁰.

Но с другой стороны, некоторые исследователи считают, что следователь является процессуальной «службой» прокурора, возрождая, таким образом, представления, бытовавшие в конце 20-х годов. Они ссылаются на то, что «по отношению к прокурорскому надзору процессуальная самостоятельность следователя кажется излишней и скорее здесь можно говорить об особой форме проявления контроля вышестоящих прокуроров за законностью и обоснованностью решений нижестоящих прокуроров»²¹. Но большинство авторов справедливо исходят из процессуальной самостоятельности следователя, считая, что законом предусмотрены достаточные возможности для отстаивания следователем своей позиции по делу. Именно это положение представляется нам правильным, так как послушный и беспринципный следователь может представлять немалую опасность для достижения целей правосудия.

Особо следует отметить, что, находясь на стороне обвинительной власти и реализуя функцию уголовного преследования, следователь фактически оказывается зависимым от своих руководителей. В рамках существующей модели досудебного производства проблема реальной независимости следователя представляется трудноразрешимой. В силу своей специфики деятельность по осуществлению следователем уголовного преследования, связанная с вторжением в сферу прав и интересов граждан и организаций, нуждается в контроле и надзоре со стороны соответствующих органов. Следователю не удастся избежать контроля с их стороны даже после создания самостоятельного единого следственного аппарата, о чем немало говорится в последние годы учеными и практиками.

Представляется, что наделение следователя реальной независимостью, подобной независимости судей, вряд ли будет способствовать повышению эффективности расследования. Речь, на наш взгляд, должна идти о совершенствовании механизма разрешения противоречий при принятии решений между следователем, с одной стороны, прокурором, начальником следственного отдела и судом — с другой. В случае возникновения разногласий с прокурором или начальником следственного отдела следователь должен иметь возможность отстаивания своей позиции по делу. Для этого необходимо лишить начальника следственного отдела и прокурора дисциплинарных полномочий в отношении следователя, обязать их давать следователю указания исключительно в письменном виде, а надзирающим и вышестоящим прокурорам более тщательно следить за движением этих указаний, всячески поощряя инициативу следователя по их обоснованному оспариванию.

Краткий анализ развития правовой регламентации процессуальной самостоятельности следователя показывает, что не все возникающие при этом проблемы законодателю удалось убедительно разрешить. Поиск возможностей дальнейшего совершенствования статуса следователя продолжает оставаться важной задачей науки и практики.

Примечания

¹ Деришев Ю.В. Проблемы организации досудебного производства по УПК РФ. Омск, 2003. С. 94.

² Тарасов А.А. Единоличное и коллегиальное в уголовном процессе: правовые и социально-психологические проблемы. Самара, 2001. С.10.

³ Реформы Александра II / Сост. О.И. Чистяков, Т.Е. Новицкая. М., 1998. С. 264-269.

⁴ Российское законодательство X-XX веков: В 9 томах. Т. 8: Судебная реформа / Общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1991. С. 294.

⁵ Даневский В.П. Наше предварительное следствие: его недостатки и реформа. Киев, 2003. С. 51.

⁶ Там же. С. 75.

⁷ Там же. С. 80.

⁸ Там же. С. 103-105.

⁹ Трубочкина В.В. Процессуальное положение следователя // Вестник МГУ. Серия «Право». 1997. № 4. С. 90.

¹⁰ Специфической особенностью УПК 1923 года было то, что надзор за дознанием возлагался на следователя, который не только вправе был давать органам дознания указания, но и рассматривать жалобы на их действия. При этом общий надзор за действиями органов дознания принадлежал прокурору (ст. 107).

¹¹ Деришев Ю.В. Указ. соч. С. 101.

¹² Шейфер С.А. Предварительное следствие. Общие условия и основные этапы производства. Куйбышев, 1986. С. 6.

¹³ Тарасов А.А. Указ. соч. С.202.

¹⁴ Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. Часть I. М., 2004. С. 88.

¹⁵ Шейфер С.А. Указ. соч. С. 9.

¹⁶ Это нововведение не получило однозначной оценки. В частности, к ограничению права следователя самостоятельно возбуждать уголовное дело критично относится Н.С. Манова и ряд других исследователей. См: Манова Н.С. Предварительное следствие: идеи и новые законодательные реалии // Гос. и право. 2003. № 3. С. 65.

¹⁷ Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. Самара, 2004. С. 218-219.

¹⁸ Ванин Д.В. Функциональное назначение деятельности следователя и его полномочия в состязательном уголовном процессе: Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2003. С. 25.

¹⁹ Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М., 1991. С. 66.

²⁰ Петрухин И.Л. Указ. соч. С. 89.

²¹ Уголовный процесс: Учебник / Под. общ. ред. В.И. Радченко. М., 2003. С. 325.

Н.А. Власова*

Роль суда присяжных в судебной системе Российской Федерации

...Реформа есть искусственное социальное действие,
учитывающее естественную природу объекта¹

Суд присяжных возрожден в России Законом от 16 июля 1993 года. К настоящему времени суду присяжных уже больше 10 лет. Срок еще не столь велик для того, чтобы данный элемент судебной системы закрепился и стал эффективным социальным институтом, однако уже достаточно, чтобы анализировать и сопоставлять идеи реформаторов с реалиями его функционирования.

---

* © Власова Н.А., 2005.